

Райл Гилберт. Категории.

Перевод Н.Примакова под ред. В. Н. Поруса

Текст оригинала - <http://www.philosophy.ru/library/ryle/categ.html>

Учения о категориях и теории типов — это исследования в одной и той же области. И область эта в значительной степени еще не изучена. Более того, исследования в этой области в настоящее время затруднены определенными терминологическими расхождениями между философами, из-за которых они не понимают друг друга. В этой статье я прежде всего хотел бы снять определенные барьеры, разделяющие исследователей, прежде чем приступить к изложению собственной позиции.

Эта проблема достаточно серьезна. Я думаю, что дело не только в том, что категориальные высказывания (category-propositions) (то есть такие суждения, которые приписывают терминам принадлежность к определенным категориям или типам) всегда выступают как выражения определенных философских предпочтений, но и в том, что верно также и обратное. Поэтому, не прояснив природу того, что мы называем типами или категориями, мы остаемся в неведении и относительно природы философских проблем и методов.

Вначале мне придется сделать несколько замечаний исторического характера вовсе не для того, чтобы продемонстрировать свою эрудицию в области философской палеонтологии либо добавить респектабельности новейшим концепциям, найдя в них примесь нормандской крови, а просто затем, что это удобный способ одновременно поставить философские проблемы и разъяснить некоторые традиционные термины, относящиеся к нашей теме.

КАТЕГОРИИ АРИСТОТЕЛЯ

Что позволяло Аристотелю считать свой перечень категорий исчерпывающим? В его время слово "категория" означало то же, что наше слово "предикат" со всей неясностью и двусмысленностью этого существительного. Но перечень категорий у Аристотеля не являлся словарем всех существующих предикатов. Во всяком случае было бы правдоподобным предположить, что сам Аристотель задумал его как перечень предельных типов предикатов. Но что это могло бы означать? Есть простые высказывания (propositions), то есть такие, которые не содержат с себе еще более простых высказываний, соединенных между собой, то есть в структуру таких высказываний не входят такие связки как "и", "или", "если...то", "хотя", "потому, что..." и т. д. Из этих простых высказываний некоторые являются сингулярными, то есть такими, которые относятся к единичному предмету — названному или указанному. Расположив простые сингулярные высказывания об одном и том же конкретном предмете (или предметах) в некую последовательность, мы найдем, что они отличаются друг от друга своими предикатами. И эти предикаты составляют конечный список семейств или типов, различия между которыми можно обозначить, хотя и не определить, следующим образом. Любое простое высказывание, например сообщающее нечто о Сократе, дает ответ (возможно, ложный) на некоторый вопрос о Сократе. На любой вопрос о Сократе можно дать целый ряд возможных ответов, однако не всякое высказывание о Сократе будет ответом на этот вопрос. Существует столько же различных типов предикатов, характеризующих Сократа, сколько существует различных вопросов о нем, не сводимых друг к другу. Так, на вопрос "каковы размеры?" можно ответить: "шести футов ростом", "пяти футов ростом", "десять камней", "одиннадцать камней" и т. д., но нельзя ответить: "с красивыми волосами", "в саду" или "каменщик". Вопросам типа "где это?" соответствуют предикаты места,

вопросам типа "что это?" — предикаты рода, вопросам типа "какой?" — предикаты качества и т. д. Любые два предиката в зависимости от того, отвечают ли они на один и тот же вопрос или нет, относятся к одной или к различным категориям. По-видимому, Аристотель довольствовался тем, что рассматривал обычный язык как ключ к пониманию перечня вопросов и, соответственно, типов предикатов.

Эта программа классификации типов впоследствии была расширена как самим Аристотелем, так и его последователями. Относительно какой-то конкретной вещи можно задавать не только такие вопросы, каждый из которых требует в качестве ответа приписывание этой вещи одного из возможных предикатов, но и по отношению к любому из таких предикатов уместен вопрос: "Кто (или что) обладает им?" Чтобы ответить на подобные вопросы, нужно назвать какие-то индивиды (или указать на них): "Сократ", "Федон", "Я" или "Королева". Очевидно, что путь от этих вопросов лежит не к ряду предикатов, а к ряду субъектов или носителей этих предикатов, то есть к индивидуальным субстанциям. Таким образом, Сократ относится к категории субстанции, тогда как курносый — категории качества, а муж — к категории отношения. Если принять такое расширение, то слово "категория" означает уже не просто "тип предиката", а "тип термина", где под "термином" понимается "абстрагируемый фактор в ряду простых сингулярных высказываний".

Дошедший до нас аристотелевский перечень из десяти (иногда называют восемь) типов терминов, конечно, неудовлетворителен. Очевидно, что некоторые из якобы предельных по объему категорий — это лишь подчиненные разновидности других, а критерии, которые использует Аристотель для того, чтобы определить принадлежность термина к той или иной категории, в высшей степени неясны, если их вообще можно назвать критериями. Но для его целей это не имело особого значения. Все что ему требовалось — это уметь отличать (а) качества от отношений, (б) то и другое — от субстанций и (с) все это от родов и видов. Пусть грубо и неточно, но он умел это делать. Но перед нами стоит другая задача, и поэтому нам следует отметить некоторые другие недостатки в его схеме.

1. Отнюдь не просто определить, в каком случае некоторое предложение (sentence) выражает простое высказывание. Ведь то, что предложение содержит только один глагол и не содержит связок, еще не означает, что выраженное им высказывание является простым, то есть что это предложение не может быть преобразовано таким образом, чтобы получилось предложение, содержащее связки и несколько глаголов. На самом же деле любое дескриптивное предложение или предложение, содержащее диспозиционное прилагательное вроде "робкий", или же всякое предложение, содержащее название некоторого рода (kind-name), может быть преобразовано или "развернуто". Даже самые простые с грамматической точки зрения предложения выражают не простые высказывания и, следовательно, могут быть развернуты. (Одна из основных тенденций современной логики состоит в том, чтобы со всей серьезностью отнестись к этому). Отсюда следует, что вычленение термина — тоже непростая задача. Простые с грамматической точки зрения номинативные и предикативные выражения далеко не всегда являются логически простыми элементами или составляющими частями высказываний. Поэтому классификацию типов абстрагируемых факторов в простых высказываниях следует отложить до тех пор, пока не будет проведена классификация различных типов пропозициональных форм. Прежде всего нужно выяснить, что означают слова, образующие логическую форму (form-words), а именно "синкатегорематические" слова типа все, некоторые, любой, этот, какой-либо,

не, если..., то, или, и, чем и т. п., а также что означают грамматические конструкции, и только затем мы могли бы надеяться выделить и индексировать какие-либо простейшие "категорематические" слова.

2. Кроме того, нам нужен метод, с помощью которого можно было бы представить и, что является особой задачей, установить однородность и разнородность категорий. Метод Аристотеля, если его вообще можно назвать методом, по-видимому, состоял в том, что составлялся перечень обычных вопросов повседневной речи, а затем наиболее важные типы назывались именами, производными от вопросительных слов. Хотя, по правде сказать, нет никаких оснований полагать, что запас греческих вопросительных слов — самый экономичный из всех возможных или самый богатый из всех, какие только можно пожелать. Как бы то ни было, подход Аристотеля не столь уж примитивен, как это могло бы показаться. В конце концов любая пропозициональная функция — это всего лишь закамуфлированный "вопрос". Пропозициональную функцию "х курносый" можно отличить от вопроса "кто курносый?" только по практическим ассоциациям, а функция "Сократ есть j" выражает не более и не менее как вопросы типа "где Сократ?", "каков Сократ?" или "какой величины Сократ?" в зависимости от того, с каким типом связывается j¹.

Чтобы более точно определить, в чем был прав и в чем заблуждался Аристотель, мне придется ввести некоторые технические идиомы, которые еще понадобятся по ходу статьи. Очевидно, что предложения в определенном смысле состоят из частей; так, два высказывания могут отчасти быть подобными и отчасти отличаться друг от друга. Назовем любое выражение, входящее в состав предложений, которые без этого вхождения были бы различны, "сентенциональным фактором" ("sentence-factor"). В роли "сентенциональных факторов" могут, очевидно, выступать не только отдельные слова, но и сколь угодно сложные сочетания слов, а также целые предложения. Например, в предложении "Я — тот человек, который написал эту статью", выражения "Я", "человек, который", "который написал эту статью", "написал эту статью" суть сентенциональные факторы.

Я называю их "факторами", а не "частями", так как выражение "части" могло бы быть ошибочно истолковано так, что выделенные элементы могут существовать вне комбинаций, образующих предложения, или, что еще хуже, входить без разбору в любые такие комбинации, то есть как если бы это были независимые и произвольно передвигаемые фишки. Слово "фактор" здесь должно подчеркнуть то, что эти элементы необходимы для образования определенных сочетаний и фигурируют в них строго определенным образом.

Далее, хотя сентенциональные факторы не могут быть вычленены из всех сочетаний, тем не менее они могут быть абстрагированы от любого определенного сочетания. Если в каком-то предложении пропуск любого его фрагмента обозначить многоточием (или выражением типа "то-то и то-то"), это обозначение и будет указывать, что здесь должен быть подставлен сентенциональный фактор, и как это нужно сделать. Но само по себе многоточие, хотя и указывает, что пропуск должен быть заполнен, ничего не говорит о том, чем именно он должен быть заполнен, допуская бесконечное множество вариантов такого заполнения. Например, выражения "Сократ..." или "Я — человек, который то-то и то-то" или "то-то и то-то, значит, завтра суббота" — это не предложения, а лишь схемы предложений (sentence-frames), пропуски в которых должны быть заполнены сентенциональными факторами. Понятно, что для этих трех разных форм нужны и разные подстановки: например, в первое выражение можно подставить сентенциональный фактор "...

уродлив", во второе — "... посетил вчера Эдинбург", а в третье — "сегодня пятница...". При этом ни одна из подобных подстановок не может заменить другую.

Однако, хотя не всякий сентенциональный фактор можно подставить вместо любого пропуска, существует бесконечное множество однотипных факторов, которые можно подставлять вместо одного и того же пропуска. Таким образом можно отличить один сентенциональный фактор от другого (или других) в любом конкретном предложении, подставляя многоточие или "знаки пропуска" ("то-то и то-то", "х", "j", "р") на место другого фактора или факторов. Знак пропуска сам по себе не является ни словом, ни выражением, ни предложением; это не имя и не описание имени. Это всего лишь указание на то место, на котором должен находиться тот или иной (либо те или иные) из бесконечного множества сентенциональных факторов.

Далее, предложения и сентенциональные факторы могут быть английскими или немецкими, могут быть написаны карандашом, произнесены шепотом или громко выкрикнуты, жаргонными или нормативными — логика индифферентна ко всем этим различиям. Для простоты можно сказать (хотя зачастую это не совсем верно), что логику интересуют лишь высказывания и их элементы, то есть пропозициональные факторы (factors of propositions). Когда в двух предложениях, сформулированных на разных языках или диалектах, сделанных разными людьми в разное время, говорится об одном и том же, то предмет, о котором идет речь, может рассматриваться как нечто отдельное от этих различных упоминаний о нем, причем нельзя сказать, что отношение между этим предметом и высказываниями о нем подобно отношению какого-либо населенного пункта к дорожным указателям, на которых написано его название. Конечно, мы различаем высказывания от предложений, выражающих эти высказывания, и, соответственно, пропозициональные факторы от сентенциональных факторов, в которых первые находят выражение. Но опять-таки, это не значит, что коровы или землетрясения существуют на свете также, как пропозициональные факторы; действительно, монета, которую я держу в руке, имеет две стороны, но ведь из этого не следует, что у меня в руке три вещи: монета и две ее стороны.

Далее, мы видим, что место пропуска в данной схеме высказывания может быть заполнено некоторыми, но не любыми из возможных подстановок. Существует два способа такого заполнения. Чтобы заполнить выражение "Такой-то и такой-то находится в постели", необходимо вместо пропуска "такой-то и такой-то" подставить какое-либо существительное, местоимение или субстантивную группу, например дескриптивное выражение. Когда следует признать, что, например, предложение "Суббота находится в постели" грамматически корректно, но абсурдно. Следовательно, от возможных подстановок требуется не только соответствие определенным грамматическим типам, но они должны также выражать пропозициональные факторы определенных логических типов. В неабсурдных предложениях пропозициональные факторы категориально соответствуют друг другу; в абсурдных предложениях по крайней мере некоторые из пропозициональных факторов категориально несовместимы. Если данный пропозициональный фактор относится к определенному типу или категории, то его выражение, будучи подставленным в определенные схемы предложений, не приводит к абсурду.

Если моя интерпретация учения Аристотеля о категориях верна, то можно сказать, что в одном немаловажном отношении он был на правильном пути. Ведь вопросительные предложения, если отвлечься от их практических функций в качестве просьб или команд, суть те же схемы предложений, а

вопросительные слова в них — знаки пропуска. Классифицируя типы вопросов, Аристотель пользуется общим методом, с помощью которого определяется множество типов факторов, отвечающих на эти вопросы, то есть подстановок на место пропусков.

Несовершенство его метода заключается в следующем. Он пытается классифицировать типы лишь небольшого подмножества пропозициональных факторов, а именно тех из них, которые входят в состав простых сингулярных высказываний. По традиции (которая часто приводит к недоразумениям) назовем их "терминами". Все термины являются факторами, но не наоборот. Аристотель не дает критериев, позволяющих определять, когда какой-либо синтаксический фактор выступает, а когда не выступает в роли термина, и, по всей видимости, полагает, что грамматически простое слово всегда выступает как часть или элемент простого высказывания. Очевидно, он полагается только на здравый смысл и повседневное словоупотребление в тех случаях, когда надо решить подходит ли данный фактор для заполнения данного пропуска. Хуже того, он не осознает, что типы факторов определяют собой логическую форму высказываний, в состав которых они входят, и сами зависят от последней, за исключением разве что индивидуальных субстанций, которые, как он признает, не могут быть подставлены на место качеств, отношений, величин, положений, родов и т.д. в высказываниях, которые он считает простыми.

Аристотель, как и логики более позднего времени, по-видимому, думал, что хотя термины соединяются в высказывания и хотя существуют различные типы терминов, тем не менее может быть лишь одна манера их сочетания. Ибо тот же самый термин, который в одном высказывании является "субъектом", в другом высказывании может выступать в роли "предиката".

Так же как любые буквы алфавита можно переставлять друг относительно друга, не изменяя при этом смысла этих букв, так и между формой высказывания и типами факторов, образующих ее, по всей видимости, не усматривалось никакого взаимодействия. Никакой связи между формальными свойствами высказываний, от которых зависит возможность или невозможность вывода определенных следствий, и формальными свойствами или категориями терминов и других пропозициональных факторов установлено не было.

Открытые Аристотелем правила силлогизма основаны на понятиях, выраженных такими словами, образующими логические формы, как все, некоторые, этот, не, и, если..., то и т. д., но они не связаны с его классификацией категорий терминов.

Это то же самое, как если бы в первой главе грамматики давались определения частей речи, таких, как существительные, предлоги, глаголы, союзы и т. д., а в другой главе — совершенно независимые определения синтаксических правил, тогда как в действительности именно эти правила должны были уже содержаться в понятиях существительного, глагола, союза и т. д. Таким образом, факторы, типы которых зависят именно от той определяющей роли, которую они играют в словосочетаниях, в которые они входят, трактуются как произвольно переставляемые фишки.

Знать все о логической форме высказывания означает знать все о логических типах его пропозициональных факторов. (Я взял на себя смелость, возможно, излишнюю, заменив в этой статье традиционную терминологию — "пропозициональные функции", "переменные", "значения" и т. д. Однако я поступил так по той простой причине, что последняя ведет ко многим недоразумениям, в частности остается неясным, говорим ли мы, когда речь идет о функциях, переменных, значениях и т. п., о некоторых выражениях или же мы

говорим посредством этих выражений об определенном роде вещах. Например, что считать значением переменной в выражении "х курносый" — Сократа или "Сократа"? Терминология, которую я предлагаю, по-видимому, более прозрачна с семантической точки зрения, а ее отдельные элементы выглядят достаточно самоочевидными.)

ФОРМЫ СУЖДЕНИЯ И КАТЕГОРИИ КАНТА

Учение Канта о категориях исходит из совершенно иных оснований, и перечень категорий у Канта оказывается совсем не таким, как у Аристотеля. Как ни странно, Кант уверяет, что преследует ту же цель, что и Аристотель, но, если не довольствоваться слишком широким и туманным смыслом этого заявления, он заблуждается. К сожалению, для трех из четырех своих классов категорий Кант заимствует ярлыки у трех из аристотелевских десяти категорий, но, как мы увидим, "количество", "качество" и "отношение" означают для этих двух философов совершенно разные вещи.

Кант начинает с того, что составляет каталог форм суждения, то есть каталог отдельных случаев, в которых высказывания могут отличаться или не отличаться друг от друга, не содержательно, а по форме. Он не пытается определить понятие формы и не дает иного обоснования своего каталога, кроме ошибочной ссылки на традиционную логику, в достижениях которой он усматривает истину в последней инстанции.

Все высказывания, по Канту, делятся: (1) по "количеству", то есть по объему своих субъектов, на общие, частные и единичные (соответствуют формам "все", "некоторые" или "этот"); (2) по "качеству" — на утвердительные, отрицательные или бесконечные; (3) по типам отношения — на высказывания вида "s есть p", "если p, то q" и "p или q"; (4) по трем типам "модальности" — высказывания существования, возможности и долженствования. Эти формы суждения еще не категории, но это отправной пункт, из которого Кант, несколько загадочным образом, предполагает вывести последние.

В принципе, подход Канта гораздо более продуктивен, чем подход Аристотеля. Но, к сожалению, реализовал он его далеко не лучшим образом. Подгруппа "бесконечных" суждений — это иллюзия; существует несколько типов "общих" суждений, но та их разновидность, которую рассматривал Кант, проходит скорее, по разряду гипотетических суждений; деление суждений на ассерторические, проблематические и аподиктические неверно, так как последние два — частные случаи гипотетических; деление суждений на категорические, гипотетические и дизъюнктивные — пересекающееся и явно неполное, поскольку (а) то, что имел в виду Кант, это различие простых и сложных высказываний, и (б) последнего разряда он опустил конъюнктивные высказывания типа "p и q".

Только для простых высказываний справедливо, что они должны быть утвердительными или отрицательными, общими, частными или единичными, тогда как в двухэлементных — конъюнктивных, дизъюнктивных или гипотетических — входящие в них простые высказывания могут быть разными. Различие между дизъюнктивными и гипотетическими формами суждения ошибочно. Не проведено четкого различия между общими (general) и необщими (non-general) высказываниями; не определено место высказываний типа "семь коров пасутся в поле", "большинство мужчин носят пиджаки" или "Джон, возможно, мертв". Наконец, среди простых сингулярных высказываний не различены высказывания о свойствах и высказывания об отношениях.

Аристотелевская категория предикатов отношения полностью игнорируется. По сути дела, унаследовать из аристотелевского учения о категориях Канту не удастся почти ничего, так как он не замечает категориальных различий (type-

differences) внутри субъектно-предикатных высказываний и использует названия "качество", "количество" и "отношение" лишь так, как это ему нужно для его совершенно иных целей. Например, у Аристотеля "зеленый", "сладкий" или "честный" означают качества, тогда как у Канта "качество" означает утвердительную или отрицательную форму высказывания. "Количество" для Аристотеля — название группы предикатов, обозначающих величину или размер; для Канта оно указывает на логическую форму высказывания, определяемую словами "всякий", "некоторый" или "этот". Наконец, аристотелевские "отношения" — это предикаты вроде "двоюродный брат такого-то", "выше", "больше, чем", тогда как для Канта это то, что выражено такими связками, как "если... то", "или", а также (как ему следовало бы добавить) "и".

При этом все-таки надо признать, что Кант понимал важность для исследования категорий и типов некоторых фактов, на которые Аристотель в этом отношении не обращал внимания. Он понимал, что существует множество аспектов, в которых высказывания могут формально походить или отличаться друг от друга. Как мы видели, в учении Аристотеля о категориях роль таких слов, образующих логические формы, как "всякий", "некоторый", "любой", "если... то", "или", "и", "не", осталась незамеченной, и средневековые его последователи отправили их в архив под снисходительным ярлыком "синкатегорематических". Учение Канта (хотя сам он этого не заметил) возвращает их из архива логики на ее рабочий стол.

Аристотель, вообще говоря, склоняется к тому, что, хотя существует некоторое ограниченное множество типов факторов, есть только один способ их сочетания. (В своей теории предикабиллий он почти догадывается, что для общих высказываний могут быть разные способы сочетания, но это не повлияло на его теорию терминов.) Кант видит, что существует бесчисленное множество способов сочетания, определяющих и определяемых видами вступающих в сочетание факторов. Аристотель предлагает "алфавитную" теорию факторов и простого их "комбинирования"; Кант же предлагает теорию "синтаксиса" этих комбинаций и, соответственно, "синтаксическую" теорию типов их факторов — по крайней мере так я интерпретирую его загадочные упоминания о "функциях объединения". Однако кантовские категории не совпадают с его формами суждения. Каким-то неясным образом они оказываются проекциями этих логических форм на сферы естественных вещей и событий. Естественные факты — то есть факты, устанавливаемые посредством их наблюдения или их припоминания, посредством индуктивных или каузальных умозаключений из наблюдений, — воплощают всегда определенные структурные принципы, которые каким-то образом восходят к таблице форм суждения. Природу составляют протяженные вещи, занимающие определенное место в пространстве в определенный момент времени, движущиеся или покоящиеся в соответствии с законами причинности. Все эмпирическое должно, а все неэмпирическое не может быть реализацией этих категорий. Метафизические высказывания, таким образом, грешат против категориальных правил.

Здесь нет надобности рассматривать таинственную Метапсихологию, с помощью которой Кант пытается разом доказать, и что так должна быть устроена Природа, и что мы можем знать, что она так должна быть устроена. Было бы уместнее представить различия, которые Кант якобы находит между своими логическими типами и категориями или естественными типами. Он, похоже, ошибочно предполагал, что существует два вида фактов и высказываний — логические и научные — и что формы последних — как бы

приемные дети первых. Но это было бы абсурдным мнением, поскольку логические формы просто абстрагированы от некоторых отчасти схожих, отчасти различных высказываний, родословную которых, очень похоже, следует возводить непосредственно к книгам, написанным естествоиспытателями, историками, математиками и теологами. Так что предполагаемое различие, мне кажется, несколько надуманно.

Кант не помогает нам решить техническую проблему — как, абстрагируясь от конкретных факторов, представить и выразить в символической форме их однородность и разнородность. Не объясняет он и структуры категорий, отсылая нас к традиционной логике. Прежде чем оставить историю вопроса, мы должны обратить внимание на одно предположение, которое вместе с Аристотелем и Кантом некритично разделяют многие современные философы. А именно: предполагается, что существует конечный перечень категорий или типов, например ровно десять (или восемь) типов терминов или ровно двенадцать форм суждения, так же как существует ровно двадцать шесть букв в английском алфавите и ровно шестьдесят четыре клетки на шахматной доске. Это чистой воды миф. В шахматной теории известно много гамбитов, но нет их полного перечня, и, хотя в английском языке существует множество разнообразных грамматических конструкций, их законченная классификация невозможна.

Схоластика — это вера в существование какой-то священной скрижали, на которой перечислены все категории, но мне не известны никакие основания для подобной веры. В конце концов я не думаю, что какого-нибудь символизма формальной логики достаточно, чтобы охватить все возможные различия типов и форм. Но, разумеется, определенный символизм может быть вполне адекватен для того, чтобы представить все различия типов, с которыми мы сталкиваемся в ходе какого-то конкретного исследования.

ОБОБЩЕНИЕ ТЕМЫ

Когда высказывание является не истинным или ложным, а бессмысленным абсурдным, хотя его лексика соответствует принятым нормам и его грамматическая структура правильна, мы говорим, что оно абсурдно потому, что по крайней мере одно из составляющих его выражений не принадлежит к типу выражений, соединимых данным способом с другими выражениями в этом высказывании. Такие высказывания, можно сказать, посягают на границы типов и нарушают правила, регулирующие отношения типов. В последнее время логики обратили внимание на определенного рода категориальные сбои, имеющие место в высказываниях типа "Я лгу" или "Несоразмерное" несоразмерно". Эти случаи интересны, потому что абсурдность таких высказываний не очевидна, но обнаруживает себя, порождая противоречия или порочный круг, тогда как абсурдность высказывания типа "Суббота находится в постели" очевидна сразу, еще до того, как мы могли бы получить какое-нибудь противоречие, допустив, что это высказывание истинно.

Кроме того, вполне здравые, на первый взгляд, рассуждения могут привести нас к формулировке высказываний первого типа, тогда как к предложениям второго типа могло бы привести лишь желание сказать какую-либо чепуху. Иными словами, некоторые из категориальных сбоев заключают в себе подвох. Именно они вынуждают нас обратить внимание на категориальные правила; что касается остальных высказываний, то мы учитываем эти правила еще до того, как обращаем на них внимание. Однако было неверно ограничивать теорию типов теорией некоторых специальных категориальных правил.

Задать вопрос "К какому типу или категории принадлежит то-то и то-то?" значит спросить "В какого рода истинные или ложные высказывания может

входить то-то и то-то и на каком месте оно может находиться в них?". В семантическом плане это значит "В какого рода неабсурдные предложения может входить выражение "то-то и то-то" и какое место оно может занимать в них?" и, наоборот, "Какого рода высказывания стали бы абсурдными, если бы выражение "то-то и то-то" было подставлено вместо одного из их факторов?". Я предпочитаю слово "абсурдные" словам "бессмысленные" (nonsensical) или "лишенные значения" (meaningless) по той причине, что двумя последними выражениями иногда характеризуют пустой набор звуков или грамматически неправильные конструкции. Кроме того, не так давно они стали употребляться в полемических целях в пользу одной конкретной теории. Слово "абсурд" удачно ассоциируется с *reductio ad absurdum*, и даже оттенок иронии в этом слове скорее на пользу, чем во вред — ведь множество шуток, по сути, основаны на легковесной игре с категориями.

ЧТО ТИПИЗИРУЮТ КАТЕГОРИИ?

Только о выражениях мы можем сказать, что они абсурдны, или же отрицать это. В природе нет ничего абсурдного. Даже проявления мышления — мнения, предположения, понятия — нельзя характеризовать как абсурдные или неабсурдные, ибо то, что абсурдно, — немислимо.

По этой причине в целом стоило бы рассуждать логически, применяя язык семантики, и строить наши теории и исследования так, чтобы всегда было ясно, что мы задумываемся над тем, соединимы ли такие-то и такие-то выражения таким-то и таким-то способом с другими выражениями.

Опасность состоит, конечно, в том, что мы можем непреднамеренно допустить, будто наши рассуждения сами собой совпадают с грамматическими требованиями, а также, словно это одно и то же, считать, что "существительное во множественном числе не сочетается с глаголом в единственном" и что "вместо многоточия в выражении "... ложно" можно подставлять "то, что ты сейчас говоришь", но не "то, что я сейчас говорю".

Тогда мы сказали бы, что абсурд является результатом неправильного соединения не выражений, а того, что они выражают, хотя на правильность этого соединения влияет и то, как мы оперируем с этими выражениями.

Не существует, однако, и не может существовать никакого объединяющего имени для всех сигнификатов (*significata*) выражений, поскольку это означало бы, что все сигнификаты принадлежат к одному типу. Именно в этом заключался коренной недостаток "идей" (в терминологии Локка) или "объектов" Мейнонга — слов, с помощью которых пытались выполнить эту невыполнимую задачу.

Другие обычно употреблявшиеся названия также имеют свои неудобства. Слово "термин" сохраняет некоторые из своих традиционных ассоциаций и, если вообще его стоит использовать, может употребляться для обозначения индивидов, свойств и отношений. Словом "концепт" не охватываются ни индивиды, ни целые высказывания, ни даже сочетания концептов. Поэтому я использую термин "пропозициональный фактор" (рассчитывая, что он устраняет все возможные категориальные двусмысленности), чтобы обозначить им любое выражение, простое или сложное, которое можно подставить вместо пропуска в той или иной схеме предложения (или то, что может быть значением переменной в той или иной пропозициональной функции). И если меня спросят, существуют ли пропозициональные факторы, много ли их, являются ли они ментальными объектами, на что они похожи, я отвечу: все эти вопросы нелепы, потому что "фактор" — это всего лишь место встречи всех категориальных двусмысленностей.

Конечно, можно и обойтись без такого слова. Оно выполняет чисто стенографические функции. Вопрос о том, к какой категории следует отнести факторы, может быть, по сути, представлен как проблема: каково совместное значение (co-significance) определенных классов выражений. Однако если идиома "фактор" (так же как идиома "идея") не гарантирует нас от мифологических ловушек, то семантические идиомы могут привести нас к смешению логических семантических проблем.

Два пропозициональных фактора принадлежат к разным типам или категориям в том случае, если существуют такие схемы предложений, что если выражения этих факторов поочередно подставлять вместо одних и тех же знаков пропуска, то в результате высказывания будут в одном случае осмысленными, в другом — абсурдными. Возникает соблазн сказать, что справедливо и обратное: два фактора принадлежат к одному типу, если они могут заполнить один и тот же пропуск. Но, увы, это не совсем корректно, поскольку факторы "Я" и "автор этой статьи" могут быть взаимозаменяемыми подлежащими множества значимых предложений, но ими обоими нельзя заполнить пропуск в высказывании "... никогда не писал этой статьи". Это говорит о том, что все-таки не совсем правомерно утверждать, что каждый знак пропуска в определенной схеме предложения указывает категорию всех своих возможных подстановок. Если же знак, пропуска допускает различные категориальные подстановки, то он сам является категориально двусмысленным, чего можно было бы избежать за счет более совершенного символизма. Ведь тот факт, что данный пропуск может быть заполнен подстановками, между которыми существуют определенные формальные различия, сам по себе говорит о типах этих подстановок.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЗАТРУДНЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С КАТЕГОРИЯМИ

Как мы приходим к знанию форм высказываний или типов пропозициональных факторов? Или, отказываясь от новомодной терминологии, спросим: что заставляет нас искать определения концептов или анализировать их? Ведь мы знаем, что, листая словари и энциклопедии, мы вряд ли найдем все что мы хотим узнать. По-видимому, с категориальными проблемами мы сталкиваемся в двух основных случаях.

(1) Существуют хорошо знакомые нам концепты, которые мы вполне в состоянии применять, например встречающиеся в формулировке тех проблем, решения которых нам хорошо известны. Тем не менее целые классы обычных высказываний, в которые входит один или несколько таких концептов, высказываний, которые мы могли бы с достаточным основанием признать истинными, опровергаются другими высказываниями, столь же хорошо обоснованными и содержащими другие, столь же известные нам концепты. Иначе говоря, мы сталкиваемся с антиномиями. Мы уверены в том, что некоторые высказывания из одной группы истинны в той же мере, в какой истинны высказывания из другой группы, но любое высказывание первой группы, по-видимому, противоречит всем высказываниям из другой группы. Я вижу искривленную палку, а палка прямая; я несу ответственность за некоторое действие, а это действие вытекает из моего характера, унаследованного мной от моих предков, сформированного школой и т. д.

Заметим, что если явное противоречие или, скорее, класс противоречий все же находят разрешение, то это становится возможным потому, что логические формы противоречащих друг другу высказываний на самом деле оказываются иными, чем мы предполагали ранее, поскольку именно формы высказываний или типов их факторов определяют их соответствие или несоответствие друг другу.

(2) Далее, когда мы приступили к исследованию того, как работают наши концепты и высказывания, мы сталкиваемся с некоторыми чисто техническими затруднениями. Мы еще толком не знаем, как использовать собственные профессиональные инструменты. Нам нужно открыть хитрые запоры, и неплохо было бы проверить свои отмычки заранее, а не полагаться на одно только свое мастерство. Наше исследование категорий и типов отношений, по сути, и есть такого рода техническая проблема. Но любой концепт, структура которого не выяснена, может привести к антиномиям, поскольку незнание его структуры равнозначно тому, что мы не знаем какие-то из его следствий, не знаем, совместимы ли высказывания, в которых фигурирует этот концепт. Концепты здравого смысла, науки, самой философии — все они порождают антиномии. Так, проблема внутренних связей производна от антиномий, связанных с техническим концептом отношения, используемого философами.

ЧЕМ ОБУСЛОВЛЕННЫ КАТЕГОРИИ?

То, что высказывание означает, как это давно известно, оно означает посредством своей формы. То же самое можно сказать и о том, что определяет совместимость или несовместимость с другими высказываниями. Назовем "связями" ("liaisons") все логические отношения высказывания, а именно: что оно означает, посредством чего оно означает, с чем совместимо, с чем несовместимо. Теперь любой аспект, в котором высказывания различаются по форме, будет отражен в различии их "связей". Так, если два высказывания формально аналогичны друг другу во всех отношениях, кроме того, что фактор одного из них относится к иной категории, чем соответствующий фактор другого, то их связи будут соответственно различаться. Фактически пропозициональные связи просто отражают формальные свойства высказывания и, следовательно, всех его факторов, но, в определенном смысле, они и есть эти свойства. Знать все о пропозициональных связях значит знать все о формальной структуре высказывания и наоборот. Хотя, очевидно, я могу принимать и признавать некое высказывание, не зная всех его пропозициональных связей. Фактически, я должен уже понимать его до того, как смогу рассмотреть эти связи, иначе я не оказался бы жертвой антиномий. Операция определения категории фактора не может быть отделена от операции обнаружения логических связей высказываний, в состав которых он входит. В сущности, это одна и та же операция. Разумеется, мы сэкономим время, прямо подводя хорошо известные виды высказываний, над которыми логики работали десятки или сотни лет, под соответствующие формулы. Но то, что высказывание имеет форму "Все S суть P" или "\$x.fx.\sim ux\$" не говорит нам ничего, если мы не умеем работать с символическими системами в соответствии с правилами их использования, то есть если мы не знаем, как считывать связи, схема которых отображается этими символами. Формулировка связей некоторого высказывания — это дело формально-логических рассуждений и аргументации (в которых, конечно, необязательно, но вполне возможно преследовать полемические цели). Вот почему философствование — это аргументация, и как раз элемент логического рассуждения сегодня, как правило, упускается из виду, когда определяют философию как "анализ", который обычно понимают как разновидность расшифровки значений. Между тем такая расшифровка порой не вносит никакой философской ясности, так как не способна показать как раз те особенности высказываний и их факторов, незнание которых ввергает нас в антиномии, а именно — их связи, производные или конститутивные по отношению к их логическим типам и формам. Простого педантизма здесь не

достаточно. Когда спор является философским и когда нет, это отдельный вопрос, обсуждение которого здесь было бы неуместным.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Я называю высказывание "категориальным", если оно сообщает что-либо о логическом типе фактора или множества факторов. Некоторые типы официально признаны и наделены фирменными ярлыками вроде "качества", "состояния", "субстанции", "числа", "логические конструкции", "категории" и т. д. Мы могли бы называть их "категориальными словами". Карнап, сбивая нас с толку, называет их "универсальными словами". Высказывания, в которых тип фактора просто называется по имени, отличаются лишь своей краткостью от высказываний, в которых тип фактора описывается.

Все подобные высказывания являются философскими высказываниями (разумеется, они не всегда произносятся профессиональными философами, получающими деньги за то, что они говорят). Я полагаю, что верно также и обратное.

Как мы видели, утверждения о том, что факторы относятся к тем или иным типам, равнозначны суждениям о том, приводят или не приводят к абсурду те или иные комбинации факторов. И поскольку лишь сочетания символов могут быть абсурдными или не абсурдными, постольку категориальные высказывания являются семантическими. Это не значит, что они ничем не отличаются от высказываний, которыми интересуются филологи, грамматики и лексикографы. Не существует категориальных высказываний английских в отличие от немецких, западных в отличие от восточных. Это также не значит, что он ничего не сообщают о "природе вещей". Если недоумение ребенка, почему экватор можно пересечь, но нельзя увидеть или почему Чеширский Кот не может оставить после себя свою улыбку, касается "природы вещей", то можно сказать, что некоторые категориальные высказывания дают требуемую информацию о природе вещей, как они дают ее и в более серьезных случаях категориальных затруднений. Но есть ли у нас критерии абсурда?

Примечания:

¹ Ср.: Lewis C., Langford. *Symbolic Logic*, pp. 332—334; Carnap R. *Logical Syntax of Language*, p. 296.

Г. Райл. Понятие сознания.

Перевод с англ. - М. Идея-Пресс. Дом Интеллектуальной книги. с. 323-338.